

РАСКАЗЫ

ИЛЛЮЗИИ

Это было что-то невообразимое! Каждый вечер выступления иллюзионистов собирали тысячи людей! На рубеже веков искусство фокусников переживало свой расцвет, составляя весьма серьезную конкуренцию театральным драмам и даже комедиям.

Вопреки мнению скептиков, дело здесь вовсе не в стоимости билетов, поскольку представления факиров и магов порой посещала весьма зажиточная публика. Нет, конечно, такие люди не приходили на площадные выступления и в грязные шапито, но еще в середине XIX века благодаря шотландскому фокуснику Джону Генри Андерсону иллюзионисты стали завсегдатаями академических, драматических и оперных театров, которые прежде презрительно воротили от них нос, не восхищаясь ловкостью, не признавая мастерства, и именовали в лучшем случае уличными шарлатанами. Так было до тех пор, пока в 1832 году Андерсон впервые не вытащил кролика из шляпы. После этого его чаще называли «Великим каледонским магом» или «Великим волшебником Севера», чем Джоном Генри. Он стал не просто автором иллюзий, но создал ритуал фокусов как таковых, скрыв ловкость рук и техническую смекалку под грудой украшательств масштабного шоу с помощницами и другими неотъемлемыми нынче элементами антуража, а также с громкими рекламными кампаниями, отдельными для каждого слоя общества.

Пушистый зверек, вынимаемый из якобы пустого цилиндра, производил ошеломляющее впечатление на людей, которые уже не представляли свое бытие без многочисленных и щедрых плодов индустриализации. На фоне того, как улучшалась и ускорялась жизнь человека, как увеличивался багаж его знаний о мире и прирастали возможности, он все острее испытывал нехватку чудесного и необъяснимого. Или, по крайней мере, таинственного и неожиданного, ведь вряд ли фокус с кроликом уместно причислять к необъяснимому — секрет был ясен как божий день. Так или иначе, но складывалось ощущение, будто ближе к концу века люди до такой степени устали все разбирать рационально, что предпочитали по-детски радоваться, не задумываясь или закрывая глаза на очевидное.

Впрочем, сами чародеи, в свою очередь, постоянно совершенствовались и усложняли искусство иллюзий, придумывали новые, все более изощренные фокусы. Сле-

---

Лев Наумов родился в Ленинграде в 1982 году. Окончил физико-математический лицей № 239 и Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики по специальности «Прикладная математика». В 2007 году там же защитил кандидатскую диссертацию. В 2011 году получил ученую степень доктора философии в университете Амстердама (Нидерланды). Автор эссе, рассказов и пьес. Пьесы ставились в театрах России и за рубежом. Лауреат всероссийских и международных литературных премий. Публиковался в журналах «Волга XXI век», «Аврора», «Звезда». Автор книги «Шепот забытых букв». СПб.: Амфора, 2014. Лауреат Царскосельской премии (2014). Живет в Санкт-Петербурге.

дующую революцию сотворил Горейс Голдин — автор «бесконечного платка», простого трюка, который по праву стал одним из самых популярных в мире. Голдин даже запатентовал устройство «пустой» коробки для извлечения тряпиц. Однако «революционером» он стал не из-за нее. Куда важнее то, как он делал «распиливание женщины пополам». В отличие от платка, авторство этого фокуса не однозначно за ним, поскольку есть и иные претенденты, но именно Горейс превратил ставший классическим трюк в душеспитательное представление, где места сомнению отводилось куда меньше, а первобытному ужасу — гораздо больше. Он догадался, что нужно акцентировать внимание публики на том, как девушка в коробке шевелит ногами. Что стоит использовать большую и очень страшную пилу. Иллюзионист просил возле площадки ставить карету «скорой помощи», чтобы одним своим присутствием она напоминала зрителям о смерти. Так Голдин превращал зал оперного театра в средневековый храм, на витраже которого было начертано: «Memento mori»¹, — а сам чародей на сцене становился едва ли не проповедником церкви чудес.

Андерсон, Голдин и другие маги нового времени дарили людям давно позабытое волшебство и первобытное восхищение. Трагизм же их положения заключался в том, что они сами приговорили себя к жизни в уверенности, будто чудес не бывает. Удивлять иллюзионистов было некому.

Гарри Янсен по прозвищу Данте, показывающий не самые оригинальные фокусы, буквально завораживал свою аудиторию незатейливыми словами «сим-салабим», несущими аромат таинственных арабских ночей. Все в зале вдыхали флюиды царя Шахрияра, тогда как Янсен дышал болезненно обыкновенным воздухом, ведь знал наверняка — это всего лишь фраза из датской книги для детей, которая, разумеется, не была никому известна ни в Америке, ни в Швеции, ни в Великобритании, где он снискал славу.

Чин Лин Фу, начинавший каждое представление с эпатажного кровавого номера, знал, что всякий раз он «обезглавливает» одного и того же мальчика. А как иначе?! Лин Фу не мог себе позволить делиться секретом этого головокружительного фокуса с множеством детей. Этого-то одного ему пришлось выбирать очень долго. Он искал, с одной стороны, самого симпатичного, но в то же время безграмотного, безынициативного и бедного, которым можно было бы манипулировать и легко заставить молчать. В итоге мрачная тайна все-таки сыграла с Чином злую шутку: маг и не заметил, как оказался в руках мальчика.

Уильям Робинсон, более известный как «человек-загадка», знал, что все его ноу-хау носят сугубо технический характер, а легендарная «ловля пули», вопреки единодушным заголовкам газет, не чудо, а трюк, хоть и весьма сложный, а также рискованный. Когда Робинсон погиб при его исполнении, пресса трубила об этом как о национальной катастрофе. Впрочем, недолго. После трагических событий многие коллеги ломали головы и со временем сразу несколько иллюзионистов смогли повторить ловлю пули. Вот только она более не выглядела головокружительной магией. Газеты писали теперь о том, что покойный Робинсон знал и без них, а зрители предпочитали не замечать: раз секрет разгадан, значит, Уильям — не чародей... В том-то и состоит разница между фокусами и чудесами: у последних нет решений, нет ответов, поскольку волшебство — это вовсе не вопрос.

Шло время, и в репертуаре каждого иллюзиониста появлялось все больше и больше разнообразных номеров. Держать в памяти свои тайные чертежи и заветные схемы уже не мог почти никто, потому их приходилось доверять самому опасному хранителю — листу бумаги. Рецепты фокусов в одночасье превратились в предметы куп-

¹ «Помни о смерти» (лат.).

ли-продажи и воровства. Но мало кто из непрофессионалов понимал: возможность переложить свою ношу на бумагу стала огромным облегчением тяжелой участи мастеров иллюзий.

«Историк волшебства» — так однажды назвала меня ведущая какой-то нью-йоркской радиостанции. С тех пор это странное словосочетание преследует меня и даже пробралось на визитные карточки. «Фокус», «трюк», «иллюзия», «чудо», «магия», «волшебство» — такие разные понятия, которые в обывательском сознании сплавляются между собой, становясь практически синонимами. Несмотря на то, что я понимаю их отличия, ради своих читателей мне тоже приходится делать вид, будто все они суть — одно.

Я родился в Гамбурге, но еще младенцем родители перевезли меня в Америку, что впоследствии оказалось решающим для моей будущей профессии. Дело в том, что в XX веке количество фокусников и иллюзионистов в США было немыслимым! В действительности, настоящий «магический бум» переживало большинство развитых стран — в том числе и Великобритания, и Германия... Рабочие после смены на заводе спешили в уличные театры. Их начальники — магнаты, промышленники — в оперные, но и там и там выступали фокусники. Вскоре из-за войн в Европе большинство выдающихся мастеров иллюзий перебралось на североамериканский континент, и то, что в Старом Свете казалось «бумом», померкло перед ситуацией в Новом.

Мне как историку известны случаи, когда в небольших городках южных штатов приходилось по одному чародею на каждую сотню жителей! При этом ежевечерне давалось около пятидесяти представлений, и всякий раз залы были полны до отказа! Многие зрители, посмотрев выступление одного фокусника, сразу спешили к другому, будто силясь утолить внутреннюю жажду чуда. Безуспешно — это была прободная язва.

Как в любой другой сфере, ситуация экстремальной конкуренции оказалась чрезвычайно плодотворной и захватывающей. Все новые трюки появлялись в разных концах континента. Я изучал дневники и прочие записи их авторов и исполнителей, в результате чего оказался посвященным во множество чужих тайн, одна половина которых была связана с физикой, ловкостью и искусностью, а другая — с преступлениями. Огромное количество убийств было совершено для того, чтобы разгадать или же не дать разгадать секрет той или иной иллюзии. Воистину, история американских фокусников на поверку оказалась куда более остросюжетной, чем летописи бутлегеров и мафии, с которыми моим книгам впоследствии пришлось делить полки в магазинах.

Да, мне довелось написать с десятков книг, в их числе общая история площадных факиров и театральной магии, разоблачения нашумевших трюков, а также биографии отдельных иллюзионистов. Вероятнее всего, если Богу будет угодно, я успею подготовить еще несколько изданий. Это ремесло довольно хорошо кормит, а главное — до сих пор волнует меня. Вот только самую заветную книгу — труд всей жизни, который я вижу во снах, мне создать, наверное, не удастся.

Моя мечта — подробная биография фокусника Алана Джонсона, но ничего не выйдет, ведь я не совсем понимаю, что именно в ней писать. Все, что можно сказать об этом человеке, по большому счету уместится на одной-двух страницах. Этого хватит разве что для крупной статьи в энциклопедии, куда материал тоже не возьмут, поскольку его составят лишь мои домыслы, не подтвержденные серьезными документами.

Уже одно то, что Джонсон выступал под своими настоящими именем и фамилией, выделяет его на фоне многих других, неизменно добавлявших к записанному в паспорте эпитеты «загадочный», «таинственный» или, как минимум, «великолепный». Делали это в том числе и эмигранты, обладатели чарующих итальянских или пленительных греческих фамилий. Большинство фокусников отказывалось довольствоваться тем, что имело, или же старалось отделить сценическую жизнь от личной, тогда как Алан, чье родовое имя подходило скорее для шампуней и подписей под бухгалтерскими отчетами, чем для ярких афиш, ничего не менял.

Этим он и привлек мое внимание впервые. На фоне искрящегося многообразия фамилий и псевдонимов, оканчивающихся на «-ци», «-ди» или «-ини», «Джонсон» выглядел крайне необычно. Да и имя Алан казалось не безликим. Напротив, было ясно, что за ним стоит реальный, а вовсе не недосыгаемо «великолепный» человек.

В следующий раз обезоруживающая фамилия мне встретилась не скоро, но вспомнил я его сразу. По-моему, это было в воспоминаниях одного известного фокусника, который назвал Джонсона редким иллюзионистом XX века, не находившимся под тотальным влиянием Гарри Гудини, не старавшимся ему подражать, а также не повторявшим фокусы последнего.

Великому Гудини Алан, допустим, действительно не подражал, но здесь нужно отметить, что большинство его ранних трюков, видимо, не отличались оригинальностью. Вернее, тогда он вообще не исполнял ни одного номера, который до него не сделали бы другие. Потому пресса ничего и не писала о нем. Разве что одна масшасуетская провинциальная газетка восторгалась его превращением камня в кролика или птицу, но они — дилетанты — попросту не знали этот древнейший трюк. Еще первый маг, Веба-Анер, снискал славу и любовь изумленной древнеегипетской публики, оживляя восковую фигуру крокодила. Просто во времена Джонсона мода на этот, казалось бы, «вечный» фокус прошла.

Один из первых оригинальных номеров появился в арсенале Алана примерно на двенадцатом году его карьеры и представлял собой следующее. Он складывал на сцене внушительную гору камней, после чего из нее начинала извергаться лава. Трюк выглядел довольно необычно, но к тому времени никто из журналистов уже от Джонсона ничего не ждал, потому газеты вновь сделали вид, будто его не было. Реакция оказалась поразительно вялой, несмотря на то, что этот фокус являлся тогда, без преувеличения, одним из самых зрелищных на американской сцене. Редкие обозреватели, обратившие на него внимание, сошлись во мнении, будто секрет лежит на поверхности — простая пиротехника: селитра, магний, марганец... Одна газета в Иллинойсе, впрочем, написала, что Алан открыл новый химический элемент, но это характеризовало скорее автора заметки, чем фокусника. Но главное, что номер по достоинству оценила публика — это куда важнее, — а также другие фокусники, из воспоминаний которых мне и удалось получить внятное описание.

Трюк поражал в первую очередь натурализмом. Многие утверждали, будто лава была самой настоящей. Якобы, из камней появлялся раскаленный расплав горных пород. В ходе первых исполнений она даже портила сцену, но потом на выступления Джонсона стали приглашать пожарные команды, которые всегда были рады таким вахтам и приезжали с охотой.

Надо полагать, именно после номера с извержением, дела Алана пошли в гору, хотя достоверных подтверждений этому все так же нет. Кстати, я обратил внимание, что Джонсон почему-то часто использовал именно камни для своей магии, выжимая из них воду, испаряя и заставляя биться, подобно сердцу.

Один из наиболее жестоких его трюков заключался в том, что фокусник разрезал артерию на шее козла, сцеживал кровь в сосуд, после чего превращал содержи-

мое в вино. Прекрасное, надо сказать, вино! Это можно утверждать с уверенностью, поскольку Алан всякий раз предлагал зрителям попробовать. Находились, впрочем, люди, которые выступали против такой жестокости на сцене академического театра, да еще в присутствии малолетней публики, но большинство все же было «за». Люди страстно хотели вновь и вновь видеть трюк с козлом, чтобы попытаться угадать, когда же чародей подменяет жидкость, вытекающую из животного. А главное, они желали еще разок отведать того вина, которое можно было, без преувеличений, назвать чудесным!

Кроме того, Джонсон исполнял на сцене давние заветные мечты алхимиков, превращая металлы в золото. Для этого он просил зрителей передать ему имевшиеся у них металлические вещицы, накрывал полученное тканью или клал в таинственный ящик, из которого предметы извлекались золотыми.

Это было уже серьезно! Во-первых, проверки ювелиров и химиков подтвердили: металл настоящий и чистый. Во-вторых, обновленная вещь имела в точности ту же форму, что и первоначальная. То есть вилка превращалась в такую же вилку, подстаканник — в подстаканник, а кочерга — в цельнозолотую кочергу! Разумеется, единственное объяснение скептиков состояло в том, что все «зрители», передававшие волшебнику предметы, были подсадными. По их мнению, все вещи готовились заранее. Но, в-третьих, похоже, что это все-таки было не так.

Многие из тех, кому посчастливилось стать свидетелями этого фокуса, рассказывали потом, что произошедшее — настоящее чудо. Особенно на этом настаивали те, кто передавал Алану что-то свое. Для отдельных людей представления чародея превратились едва ли не в особый магический бизнес. Они стали специально приходить к Джонсону, чтобы подзаработать, принося с собой, как минимум, утюги. Администратору приходилось останавливать иллюзиониста, чтобы тот не превращал в золото предметы всех желающих, а только первые два или три. Впрочем, этого было уже более чем достаточно, ведь стоимость необходимого для трюка драгоценного металла многократно превосходила гонорар артиста.

Нет, пожалуй, вовсе не камни стоит считать отличительной чертой магии Алана, а какую-то невиданную, запредельную, потустороннюю щедрость. Почти на каждом представлении он дарил своим зрителям что-то ценное, и, возможно, только поэтому мне есть сейчас что о нем рассказать.

Упомянутыми статьями в массачусетской и иллинойской газетах публикации про Джонсона практически исчерпываются. Хотя молчание прессы по поводу «золотого» фокуса можно объяснить каким-то тайным запретом властей, старавшихся не допустить лихорадочного ажиотажа, а также резкого массового обогащения. Вероятно, по тем же причинам иллюзиониста никогда не фотографировали и не снимали на киноплёнку. Подписи в журналах отелей и на чеках — это единственные документы, подтверждающие существование некоего человека по имени Алан Джонсон. Но чем он занимался? Каковы были его выступления? Об этом говорят разве что скудные и неоднозначные упоминания из уст коллег, на которые я уже ссылался, но главное — письма. Все зрительские мнения, упомянутые выше, почерпнуты из них. Множество посланий, в которых разные неизвестные люди рассказывают друг другу, как их благодетельствовал некий чародей на своем представлении. Не все даже называют его имя, но совершенно ясно, когда речь идет об Алане и его чудесах, оказавшихся спасительными для тех, кто терял надежду. Чьих-то родственников обращенные в золото оловянные ложки уберегли от отчуждения собственности за долги, а то и от убийства кредиторами, кому-то позволили вылечить себя или родных, кому-то — накормить или дать образование детям. Только из писем благодарных лю-

дей я узнал, что Джонсон еще и ставил воду столбом в небольшом аквариуме, а также оживлял глиняные фигурки — то есть не превращал их в зверей и птиц, но заставлял ходить глину.

В то же время из тех же депеш становится ясно, что таких оригинальных номеров было у Джонсона немного. Даже на поздних этапах карьеры по преимуществу Алан исполнял хорошо известные трюки, авторами многих из которых считались его современники. Меня интересовал вопрос, был ли Джонсон вором или, скорее, прозорливым профессионалом, виртуозно разгадывающим чужие тайны? При этом во многих зрительских письмах отмечалось, что он владел своим искусством «виртуознее» и «правдоподобнее», чем коллеги-конкуренты. «Займованные» номера получались у него достовернее и лучше, чем у авторов. Когда он распилывал женщину, та ужасно кричала, потом бледнела, разлетались брызги крови... Казалось, будто несчастная страдала по-настоящему, затем умирала, но чудесным образом оживала впоследствии. Когда он ловил зубами пулю, звук был такой, будто те крошились во рту... И все в таком духе.

Мне стало ясно, что Джонсон не только повторял, но и значительно усовершенствовал многие трюки. Именно потому его коллеги говорили о своем выдающемся современнике крайне скупой и редко — они его ненавидели, а может, даже боялись, ведь сами не могли добиться того же натурализма волшебства. Так я думал, пока не обследовал почти все существующие архивы, связанные с фокусами, но, перерыв десятки тысяч документов, я изменил свое мнение. Дело в том, что мне так и не попалось ни единой бумаги, на которой бы рукой Джонсона было написано хоть одно слово. Только несколько автографов. Он не вел дневников, не оставлял записок помощникам, не писал писем, а главное — не считал нужным передоверить или законспектировать свои тайны. Невзирая на внешний плагиат, у него определенно имелись и собственные секреты исполнения, не говоря уж об авторских фокусах вроде превращения металлов в золото.

Нет, я не считаю, что каждый иллюзионист обязан делать такие записи, но мой богатый опыт подсказывает, что большинство все-таки доверяет технические тайны бумаге, поскольку ближе к концу жизни они начинают одних тяготить, а для других становятся единственной нажитой подлинной драгоценностью, которую следует передать ученикам или родственникам.

Можно, конечно, предположить, что бумаги Алана существовали, но были утрачены или уничтожены. Уж точно следует исключить гипотезу, будто кто-то их хранит и скрывает до сих пор, тем паче что выдающийся трюк с золотом так и не был повторен, но... Я все-таки глубоко убежден: Джонсон попросту не делал записей. На то, чтобы догадаться почему, мне потребовалось несколько лет. И секрет тут в том, что никаких секретов у него не было.

Алан оказался истинным волшебником среди иллюзионистов. Он творил настоящие чудеса, а не искусные фокусы. При этом его трагедия состояла в том, что фантазировать и придумывать номера самостоятельно он не мог. Вероятно, Джонсон вообще ни на что не был способен, кроме подлинной магии. Именно потому, недолго думая, он принялся повторять трюки своих коллег, но не средствами чуждых ему физики и ловкости, а с помощью настоящего волшебства. Когда подобный «плагиат» начал вызывать возмущение в цеху, то во избежание скандала он решил воспроизводить чудеса из книг, услышанных где-то историй и других внесценических источников. Это объясняло все!

Я думал о его судьбе, и меня пронимала благоговейная дрожь. Наконец «историк волшебства» столкнулся с настоящим безоговорочным чудом. Потому, смею пред-

положить, главное дело моей жизни — рассказать историю Алана Джонсона так, чтобы хоть кто-нибудь в нее поверил. Но пока я ума не приложу, как это сделать.

ТЕЛЕГА

Я остановил его как-то поздним вечером, когда, уставший, возвращался из соседней деревни. Впрочем, «соседство» это весьма спорно, ведь до дома оставалось десять верст с гаком. Спросил, не подвезет ли он меня. Возница — а как еще прикажете его называть? — мотнул головой. Этот странный жест я почему-то принял за согласие и, не мешкая, взгромоздился на телегу рядом с ним.

Ехали мы молча. Утомленному мне было не до болтовни, он же, как я потом узнал, никогда не слыл разговорчивым. Некоторые даже считали его немым.

Несмотря на то, что путь оказался довольно долгим и все время мы сидели рядом на облучке, я его даже не разглядел. Хотя можно ли было тогда предположить, чем обернется наша встреча? А в противном случае, с чего бы мне рассматривать какого-то возницу?!

Тем не менее мое внимание привлекли два обстоятельства. Во-первых, с телегой он управлялся довольно вяло и неловко. Похоже, дело было вовсе не в отсутствии навыка, а скорее в том, что мыслями держащий поводья витал где-то далеко и наша дорога его совсем не занимала.

Во-вторых, телега, судя по всему, была пустой. Нас залихватски подбрасывало на каждой кочке и колдобине, потому, невзирая на усталость, заснуть я даже не пытался. Кроме того, меня удивила конструкция повозки. Она представляла собой не открытый короб для размещения грузов, а закрытый, накрепко сколоченный ящик на колесах. Никакой крышки или дверцы в этом ящике не было. По крайней мере, я не смог разглядеть ее в потемках. Было совершенно неясно, как именно возница загружал поклажу.

Он провез меня мимо дома, на мгновение придержал лошадь, я спрыгнул, и телега незамедлительно двинулась дальше, потому мне не удалось предложить ему оплату или пригласить отужинать в благодарность. Честно говоря, тогда я обрадовался такому исходу из-за своей усталости, направился напрямик в дом, разулся в сенях и сразу, даже не выпив чаю, лег спать.

Интересные вещи начали происходить уже на следующее утро. Прежде ко мне как к человеку пришлому относились в деревне с естественной провинциальной нейтральностью, почти не отличимой от враждебности. Мужики воротили нос, женщины, завидев меня, сразу опускали глаза и пугливо переходили на другую сторону дороги, дети за спиной дразнились и хохотали. Но в то утро я впервые почувствовал себя здесь «своим». Мужики приветственно кивали, женщины улыбались, не отводя взора, дети притихли. Впрочем, должен сказать, что моему сознанию не удалось тогда найти связь между изменением отношения ко мне и событиями прошлой ночи. Более того, я не придал произошедшему особого значения, решив, что, быть может, по местным обычаям три недели — достаточный срок, чтобы признать гостя. Но когда соседский ребенок принес мне буханку свежеевыпеченного хлеба, крынку молока и миску ягод, стало ясно: что-то произошло. Приняв угощение с благодарностью, я поспешил по служебным делам на этот раз в другую, ничуть не более близкую «соседнюю» деревню.

Мне вновь пришлось возвращаться затемно, и тогда я впервые вспомнил о вознице. Правда, скорее не о том конкретном, а о любом. Спору нет, было бы крайне

уместно встретить сейчас человека с телегой, который бы согласился меня подвезти. Собственно, в большинстве случаев мне удавалось сразу или чуть позже поймать попутку, потому по прибытии в эти края я и отказался от мысли самому нанять лошадь — все-таки это большая морока. Однако в тот вечер мне не встретился вообще никто, а значит, пришлось идти до самого дома пешком.

Так случалось время от времени, и ночные променады иной раз приносили немало удовольствия. Вернувшись голодным, я был рад наткнуться на ожидавшееся угощение, которое немедленно употребил.

Утром отправился к соседям, чтобы еще раз выразить благодарность и вернуть тару. Хозяйка встретила меня с улыбкой, что не отменяло ее чрезвычайного смущения. Я поблагодарил и собрался было уходить, когда, внезапно, она спросила:

— Да как оный?

Вопрос прозвучал резко и звонко. Казалось, будто женщина долго собиралась с силами, чтобы его задать. Природное стеснение сдерживало соседку, будило сомнения, но вот наконец любопытство с силой вырвалось на свободу, ведь еще мгновение, и я бы исчез в дверном проеме.

— Кто? — мне было неясно, о ком идет речь.

— Ну, ратай...² — сказала она, будто поясняя что-то само собой разумеющееся.

— Какой пахарь? — я все еще не понимал, но использовал более привычное для меня слово.

— Тот... Ночью подвозил дак...

Я пожал плечами и покачал головой. Она закрыла глаза и с широкой улыбкой утвердительно кивнула. На этот раз жест был предельно ясным, но ситуация выглядела странно: мое телодвижение выражало недоумение, тогда как ее — глубокое понимание и благодарность за... ответ. Но я же ничего не сказал... Мне пришлось тоже улыбнуться. Было неловко, я поспешил уйти.

Некоторое время воспоминания о встрече с соседкой не давали мне покоя. О каком пахаре шла речь? Да и прошлой ночью меня никто не подвозил... Но вскоре эти мысли отошли на второй план, уж слишком меня поразили последствия нашего разговора. Видимо, женщина принялась рассказывать всем о моем визите. По деревне поползли слухи, причем, и это удивительнее всего, слухи сугубо положительные и добрые. Отношение ко мне стало еще теплее.

Прошло две недели. За это время мне трижды пришлось возвращаться из соседних деревень затемно. В первый раз меня подвез молодой парень, его старая телега была оборудована для транспортировки мяса, потому всю дорогу нас сопровождали мухи, а также запахи гнили и запекшейся крови. Мой попутчик был средним сыном из троих. Он жаловался на младшего брата, который недавно убежал из дома. Много рассказывал об отце, заставлявшем их работать и днем и ночью. Из-за этого бедняге никак не удавалось завести свою собственную семью. Пренебрежительно он отзывался о невесте старшего брата, но здесь, пожалуй, говорила зависть или даже ревность. Рассказал парень и о проблемах с неурожаем крыжовника, а также о том, где, когда и какая рыба пойдет на нерест. Отдельно юноша обратил мое внимание, на что следует ловить речного угря. Он не замолкал всю дорогу, потому я стал изрядно посвященным в подробности деревенской и его личной жизни. Признаться, по пути я добрым словом вспоминал того, прошлого возницу, который молчал.

Во второй раз меня подвозили мрачные косари, возвращавшиеся вчетвером, впотьмах, с какого-то темного дела. Оттого, наверно, разговорчивостью они не отличались. Я был очень доволен.

² «Пахарь», «землероб» (устар., нар.-поэт.).

А на третий раз произошел весьма неприятный случай. Я шел по дороге в надежде встретить кого-то с лошастью, и внезапно на другом берегу небольшой реки мне померещился возница. Кажется, даже тот самый молчун. Я принялся было кричать ему, но то ли он не слышал, то ли делал вид, будто не замечает меня... Поняв, что если упущу его, то имею все шансы не попасть домой до рассвета, я побежал через мосток, который подо мной с треском рухнул. Закончиться история могла плачевно, но, долго пробултыхавшись в быстрой реке, мне все-таки удалось вылезти на берег. Тем не менее я мог серьезно заболеть, если бы мимо не проходил мужичок, живший неподалеку. Он любезно пригласил меня к себе домой. Его жена накормила нас ужином и постелила мне в сарае. Стирать одежду я ей не позволил, поскольку, по моим городским представлениям, это было бы уже сверх меры. К несчастью, местные люди имеют иные взгляды, и боюсь, что отказом отдать хозяйке брюки, а также прочие детали костюма, я обидел своих благодетелей.

Дабы не оконфузиться еще и воздержавшись от завтрака — я не мог есть так рано, как это принято в деревне, — на рассвете мне пришлось уйти, не прощаясь с хозяевами. К дому я подходил поздним днем. Местные уже заканчивали работать в поле, хотя улицы пока были безлюдны. Повстречался мне лишь один приветливый старик. Впрочем, за прошедшие дни я начал привыкать ко всеобщему радушию.

— Где ж ты, сынок, эдак угваздался? — спросил он, глядя на мои брюки и обувь. Тогда мне впервые пришло в голову, что, быть может, местные долго отказывались принять меня как раз из-за городского костюма, который я не догадался сменить на что-то простое.

Я начал было ему рассказывать о событиях прошлой ночи, но он меня сразу перебил:

— Добро, добро... Ты, говорят, севальщика видал? Сказал бы старику, что он, как да где?

— Какого сеятеля? У вас тут много таких, — я опять решил воспользоваться более привычным и современным лексиконом. Мне было трудно говорить с деревенскими, используя их особенные слова. Всякий раз, повторяя за ними, у меня возникало ощущение, будто я беру то, что мне не принадлежит.

— Да своих-то уж, помилуй бог, знаем. Нет. Говорят, подвозил он тебя тут как-то...

Не сразу, но довольно скоро я наконец догадался, что старик и соседка интересовались возницей со странной телегой. При этом долгое время мне не удавалось выяснить, почему для одной этот человек был пахарем, а для другого — сеятелем. Казалось бы, все эти сферы деятельности можно объединить понятием «крестьянин», но так его никто не называл. Вскоре о том ночном случае меня начали расспрашивать ежедневно, потому скажу наверняка, что никакие другие виды сельского труда ему тоже не приписывались. Только возница — на этом настаивал я — пахарь или сеятель.

Говорить о нем с деревенскими было почти невозможно. В большинстве случаев отвечать на мои вопросы они отказывались, хотя сами активно задавали свои. Казалось, что едва ли не каждый встречный был бы рад что-то о нем узнать, но никто не хотел рассказывать.

По крупицам, по мизерным каплям я все-таки собрал некоторые сведения о загадочном сеятеле-пахаре-вознице. Для этого пришлось предаваться с местными мужиками ночным возлияниям — водка развязывала им язык. Женщинам же я частенько предлагал свою помощь по хозяйству — когда руки заняты, они тоже меньше контролировали речь и могли взболтнуть то, что удержали бы в себе при иных обстоятельствах. Чем больше мне становилось известно об этом ночном страннике, тем сильнее он меня занимал.

Вскоре я наконец закончил свои служебные дела во всех окрестных деревнях, однако вместо того, чтобы уехать, отправил в город депешу о том, что «вынужден» задержаться. Слава богу, в силу моей должности никто не мог потребовать от меня объяснений о том, в чем, собственно, состоит эта нужда.

Еще несколько недель понадобилось мне, чтобы собрать наконец некую цельную историю этого человека. Впрочем, человек ли он, я уже не был уверен. Но как еще следует называть персонажа легенд, в существовании которого не принято сомневаться и которого можно случайно встретить, возвращаясь по ночному лесу?

Деревенские верят, будто по земле ездит множество подобных странников на телегах. Эта вера крепнет с годами, хотя живых свидетелей — тех, кто встречался с ними лично — я так и не нашел. Видевшие возниц-сеятелей-пахарей воочию были такими же героями преданий, как и сами странники.

Стало ясно, почему тот случай, когда я появился в деревне на его телеге, выходил из ряда вон и привлек такое внимание. Многие твердили, будто заметили нас тогда краем глаза. Пошла молва о том, что случилось чудо, а я — едва ли не избранный. Вероятнее всего, большинство, если не вообще все «свидетели», выдавало желаемое за действительное или просто привирали. Увидеть нас было невозможно — темно, хоть глаз выколи. С другой стороны, слухи же отчего-то поползли... До сих пор не возьму в толк, как это произошло.

Загадочные старики — а мой возница и правда, как я теперь припоминаю, был немолод — известны в первую очередь именно как сеятели. По легендам, они действительно иногда пахут землю, но уж это чистой воды поверье. За пахотой путников увидеть невозможно, это — таинство! Парадоксальность их образа состоит в том, что перед всеми, кому посчастливилось их встретить, они неизменно представляли в виде едущих порожняком возниц. В то же самое время основное занятие и главная цель странников состоят в посеве. Каждый из них живет для того, чтобы вложить в землю лишь одно зерно. Причем сделать это он должен в единственном, предназначенном только для его зерна месте. Такое ремесло. Именно для этого служит телега, конструкция которой показалась мне странной и нефункциональной.

Зерно лежит в том самом ящике, представляющем собой ее корпус. Как я уже сказал, по сути дела, она и есть ящик, ведь другого предназначения у повозки нет. В днище имеется маленькое отверстие, как раз под размер и форму зерна. Отверстие сделано таким образом, что семя провалится в него лишь в единственном редчайшем случае. В этом и состоит жизнь старика — он ездит по земле, по самым колдобинам и буеракам, трясет свою телегу почем зря, чтобы зерно каталось по дну и рано или поздно в результате совпадения множества случайностей выпало через назначенную только ему дыру в том самом предначертанном месте.

Иногда странники подбирают попутчиков. Им нетрудно оказать сию малую любезность. Кроме того, это ни на мгновение не отвлекает их от основного дела, в котором временные спутники не могут ни помочь, ни помешать.

Люди верят, будто старики возят свои телеги много лет, не зная, при них ли еще семя, или оно уже легло в почву, а может быть, даже успело дать робкий росток или крепкий стебель. Возницам, как и всем остальным, не суждено узнать, напрасна ли все еще их жизнь, или они уже давно выполнили свое предназначение. Странники обречены править телегу дальше, давая зерну больше шансов наполнить бытие сеятеля смыслом. Потому неугомонные возницы и ездят по земле до самого последнего вздоха.

Рассказы местных меня не устроили, уж слишком путанны и сбивчивы они были. Полной картины не складывалось. Откуда эти старики? Кто и когда вверяет им теле-

ги? Кто изготавливает ящики? Кто делает уникальное отверстие в днище? Кто чинит повозки? Как проходит детство, юность и зрелость будущих странников? Как обрывается их жизнь? Кто их хоронит и где? Что происходит с телегой после смерти возницы? Является ли наша встреча с одним из них знаком чего-то особенного?

Разумеется, я хотел получить ответы на эти и многие другие вопросы. Но у кого? Мне бы только еще разок встретить кого-то из этих странников! Да хоть того же самого!.. Впрочем, особое беспокойство мне доставляла вот еще какая мысль: почему люди решили, что меня подвозил именно один из этих загадочных сеятелей? Как они могут это утверждать, когда даже я сам не уверен?

Выход был только один — искать своего старика. Не имея более специальных вечерних дел, перетекающих в ночные прогулки, я стал будто бы призывать его, непрерывно блуждая по лесу днями и ночами напролет. Несколько раз он мерещился мне вдалеке, как тогда, на другом берегу реки. Всякий раз зрение обманывало, выдавая за него других возниц.

Чем больше я думал о нем, чем дольше искал, тем пуще волновали меня вопросы о его происхождении, но в то же время тем сильнее прорастала и крепла во мне неколебимая уверенность, что более нам не доведется встретиться никогда. Странно, но, невзирая на все это, я был готов отказаться от своих вопросов, дать обещание и рта не открыть при встрече, лишь бы проехаться с ним еще раз, пусть все так же молча. Лишь бы вновь увидеть ящик и найти в нем крохотную щель. Лишь бы заглянуть в нее или, прислушавшись, определить, на месте ли зерно. Больше всего я хотел узнать, как мое присутствие на телеге, которым по законам физики и вопреки поверьям непозволительно было пренебрегать, повлияло на то, где и когда оно ляжет в землю.

РЕСТОРАН

Подавляющее большинство тех, кто, узнав об этом заведении, страстно захотел его посетить, ждало разочарование. Слухи о ресторане распространялись довольно стремительно, но его известность достигла апогея, когда он был уже закрыт. Говорят, что до сих пор какие-то люди приезжают посмотреть, где он некогда располагался. Я, признаться, тоже страстно хочу там побывать, но никак не могу отыскать это место. Более того, сколько я ни пытался, мне не удалось найти никого, кто бы действительно туда приезжал после закрытия. Если вдуматься, то это загадочная история: сейчас уже ходят слухи о тех людях, которых молва о ресторане привела туда, где он якобы располагался...

Отдельный вопрос состоит в том, что движет такими «туристами», если, конечно, мы допускаем, что они существуют? Предположу, что эти люди хотят посмотреть вовсе не на останки заведения, не прикоснуться к стенам, ставшим свидетелями нашумевших событий, но скорее взглянуть на окрестности, которые, в свою очередь, наблюдали посетители этого ресторана. Если говорить более высокопарно: по-моему, им интересно увидеть мир глазами бывших гостей.

Идея этого места — а согласитесь, за редким заведением общественного питания стоит какая-то идея более содержательная, чем желание владельцев обогатиться — была оригинальна и по-своему прекрасна. Мне особенно жаль, что до сих пор никто даже не попытался ее повторить. Хотя это нетрудно понять: рестораторы боятся. Причем боятся, по всей видимости, достаточно сильно, если это чувство заставляет их отказываться от уже известной, проверенной и доходной, хоть и несколько

хлопотной идеи. Ведь заведение приносило немалую прибыль, несмотря на весьма странное и даже, пожалуй, неудачное расположение.

С уверенностью можно сказать, что подходящим местом для такого ресторана был бы центр какой-нибудь европейской столицы: Лондона, Парижа, Берлина, Вены... Трудно себе представить, как видоизменилась бы вся эта история, если бы он там и располагался. От посетителей бы наверняка не было отбоя. Это точно! В результате сложилась бы совсем другая, вероятно, даже более драматичная ситуация. Но не будем гадать. В действительности заведение находилось где-то в ближайшем пригороде Рима, около двадцати километров от кольцевой, едва ли не на Фламиниевой дороге.

Подобное расположение кому-то тоже покажется довольно выигрышным, но это — глубокое заблуждение. Здесь ресторан не мог стать особенно популярным. Редкие путники, едущие в Вечный город, останавливались на обед или ужин, будучи на столь смехотворном расстоянии от пункта назначения. То же самое можно сказать и о тех, кто покидал Рим, — они только выехали. Надежда оставалась лишь на то, что когда по направлению к городу выстраиваются пробки длиной в несколько десятков километров — а это происходит почти каждый будний день, — кто-то из водителей проголодается или попросту не выдержит бессмысленного сжигания бензина. Тогда, быть может, он завернет в уютный внутренний дворик ресторана, но тут возникали другие проблемы. Во-первых, манящий уют дворика невозможно оценить с дороги. Но главное, если кто-то все-таки заходил внутрь, случайные посетители быстро покидали заведение из-за крайне высоких цен. Нет, только люди, приезжавшие сюда специально и знавшие, чего они хотят, могли оценить это место по достоинству. Уж слишком необычным оно было.

Головокружительный ресторан отличался уже тем, что в нем совсем не было меню. Пожилая религиозная чета владельцев решила положить это в качестве принципа — здесь могли исполнить любое кулинарное желание клиента. Согласитесь, теперь становится ясно, почему усталым людям, вырвавшимся из пробки, такое заведение было ни к чему: они желали конкретный и недорогой панини с супом «папа помодоро» или «карбонару». Зачем им переплачивать за дорогостоящий выбор из всех мыслимых яств подлунного мира? Они не хотели фантазировать, они были голодны.

Это принцип — «выполним любое кулинарное желание» — звучит достаточно монументально, хотя на поверку в нем нет чего-то запредельного, невыполнимого и даже особенного. В наш век холодильников и Интернета на деле это ненамного сложнее, чем на словах. Благодаря всемирной паутине рецепты каждого известного кулинарии блюда во всем их немислимом многообразии доступны поварам, причем с вариациями. Остается лишь поддерживать постоянный запас разных, в том числе и редких продуктов, которые могут понадобиться. Если говорить, например, о мясе, то хозяевам требовалось хранить не только говядину, свинину и конину, но и, скажем, буйволятину, слонятину и даже тушки змей. Из птицы — не только курицу, но и голубей на тот случай, если заказчик пожелает фрикасе из последних, а также овсянок, соловьиные язычки и многое другое. Аналогично с рыбой, сырами, овощами, фруктами и всем остальным.

Уровень развития холодильной техники, а также множество камер с разной температурой позволяли сохранять все продукты довольно долго. Да многие вещи приходилось подвергать повторной разморозке. Мясо здесь не готовили «еще теплым» — такими обещаниями привлекали клиентов в других дорогих ресторанах. В этом же заведении основным свойством была вовсе не свежесть ингредиентов.

Чем-то приходилось жертвовать во имя абсолютной кулинарной универсальности. Однако не беспокойтесь: разумеется, как только продукты начинали портиться, их мгновенно выбрасывали и заменяли новыми.

Трудно было хранить только отдельные ингредиенты — скажем, двадцать четыре вида молока. Правда, как раз они по большей части все-таки расходовались, а не шли в помойку. На худой конец в томатный суп-пюре наливали не коровье, а верблюжье или даже молоко антилопы-канны. Блюдо от этого только выигрывало в смысле жирности и насыщенности вкуса, а продукт удавалось использовать.

Иными словами, идея такого фантастического ресторана оказывалась не то что реализуемой, но, пожалуй, даже довольно незатейливой. Конечно, все равно приходилось выкидывать три четверти ингредиентов, но цены-то были завышены вдесятеро, чтобы это скомпенсировать. Так что убыточным заведение не было. Пусть зал и не ломился, но штучные клиенты сюда приезжали постоянно. Напротив, когда клиенты занимали, например, только три стола из двадцати четырех, не считая веранды и внутреннего дворика, это придавало дополнительный шарм. Гости получали возможность насладиться плодами своей фантазии и труда поваров в атмосфере сладостного, нетомительного одиночества. Принимая во внимание качество интерьера и обслуживания, посетители почти физически ощущали нарочитую элитарность заведения, а также необыкновенность своей трапезы.

Впрочем, число клиентов прирастало. По неведомым причинам через неделю после открытия необычное заведение попало в великое множество туристических путеводителей, несколько светских журналов и парочку профессиональных изданий кулинарного и ресторанного сообществ. Хозяева ломали голову, как такое могло произойти, тем более что количество статей о них превосходило число клиентов, которых они успели на тот момент обслужить. Более того, никто из посетителей никогда не сообщал им, что он, дескать, ресторанный критик, потому его необходимо накормить бесплатно и как можно лучше... Еще одна загадочная история.

Проблемными для поваров становились разве что те блюда, приготовление которых включало фазу квашения, вяления, настаивания, маринования, засолки и тем самым, согласно рецепту, требовало много времени, вплоть до нескольких месяцев или даже лет. Поначалу хозяева решили, что им все-таки необходимо иметь в наличии хамон, хакарл, мохаму, пршут, копальхен и домашнюю бастурму, но потом стало ясно, что даже в числе гурманов — а именно это, очевидно, основная клиентура — почти никто не знал некоторых из этих слов. Те же, кому они все были известны, приходили сюда отнюдь не за «мясной тарелкой». Так что такие продукты могли понадобиться разве что в качестве ингредиентов, но и суп «сальморехо» или испанский гороховый суп с хамоном никто так ни разу и не заказал.

Желания людей оказались шокирующе банальными и однотипными. Казалось, любители вкусно поесть получали прямой доступ непосредственно к собственной фантазии, но сколь же ограниченным оказался круг вождеденных блюд... Большинство гостей были европейцами, потому они преимущественно интересовались кушаньями из азиатской, реже — восточноевропейской кухни. С одной стороны, пределом изысканности оказывались малайские супы или мясо, приготовленное по вьетнамским и камбоджийским рецептам. В то же время на вкус большинство «гурманов» даже не чувствовало их отличий от лаосских и филиппинских вариантов тех же блюд, тогда как на поверку нюансы были выражены довольно четко — специализировавшийся на них повар придавал этому особенное значение.

С другой стороны, «противоположным» пределом воображения стали шокирующие блюда, которые люди хотели отведать не ради вкуса, а чтобы испытать себя. Но

и тут фантазия не уходила дальше жареных тестикул и разных глазных яблок. Ничего интересного для повара в этом не было — приготовить их значительно проще, чем, скажем, лаксу.

Заезжие азиаты вообще рассматривали принцип ресторана в ключе местного кулинарного колорита и считали, что здесь можно попробовать в лучшем случае любое итальянское блюдо, а в худшем — любую пиццу. Ходят слухи, будто первый повар заведения спился из-за разочарования в людях: работая в таком ресторане, ему приходилось слишком часто варить пасту. Впрочем, это тоже скорее легенда, нежели быль.

Принцип заведения оставался неизменным — клиент мог отведать все что угодно, стоило только заказать и оплатить. Были, конечно, и те, кто приходил поиздеваться. Они требовали несуществующие блюда, давая им вымышленные названия. Но кулинария — это сфера порядка и вкуса, в том числе и в художественном смысле. Потому как только официант слышал о ястве из акулы с мошонкой павиана, шафраном и медом, насмешники немедленно изгонялись навсегда. Как выясняется, быть может, именно это спасало им жизнь.

Ресторан просуществовал недолго, примерно полгода, и за это время погибло около тысячи человек. Закономерность заметили далеко не сразу, да и можно ли было ее углядеть — больше трети клиентов, отужинав, продолжали свое путешествие. Их тела обнаруживали впоследствии в самых разных уголках Италии, а то и мира. Если бы оставшаяся часть не возвращалась в Вечный город, создавая тем самым некую статистическую пучность, заведение, возможно, работало бы до сих пор.

Так или иначе, но следственным органам Рима удалось установить, что каждый человек, совершивший здесь именно вечернюю трапезу, на следующее утро уже не просыпался. Разумеется, во всем сразу обвинили хозяев. Ресторан представлял собой типичное итальянское семейное дело, в которое было вовлечено множество родственников. Владельцами, как я уже говорил, выступали пожилые люди — отец и мать семейства.

Когда обвинение было предъявлено, хозяин не мог поверить в происходящее с ними, равно как и в то, что, по утверждению прокурора, уже произошло, причем именно по его вине. Перед стариком рыдали какие-то женщины: сестры, жены и матери тех, кого он якобы убил. Братья, мужа и отцы грозили ему и его домочадцам расправой. Разумеется, он все отрицал, поскольку и правда не был виноват ни в чем, кроме того, что решил открыть собственный ресторан. Случившееся он постоянно называл совпадением, однако в таком случае это, вне всяких сомнений, было самое феноменальное стечение обстоятельств во Вселенной, принимая во внимание его вероятность, а также тот факт, что не было ни одного исключения — ужин не пережил никто! Единственное совпадение можно считать еще более головокружительным и редким — это то, которое привело к возникновению мироздания как такового. Искренняя растерянность старика всерьез смущала судью и присяжных.

А как плакала хозяйка, когда вводили ее детей и внуков!.. Разумеется, в тот момент она сразу взяла все на себя, хотя тогда уже никто не верил в виновность стариков и их родственников. Сколько ни обыскивали помещения ресторана, сколько ни расспрашивали всех членов семьи, их поставщиков и прочих свидетелей, ничто не указывало на причастность владельцев и сотрудников. Равно как ничто не навело на мысли о каких-то других подозреваемых. И тогда я понял: единственное, что можно здесь доказать, — это то, ради обоснования чего тщетно кляли свои жизни еще средневековые богословы, а также более поздние деятели теологии и религиозной философии. Мне представляется, что трагедии, берущие свое начало в пред-

местях Рима, убеждают нас не в чем ином, как в существовании Бога. Вдобавок после всей этой истории можно наконец с уверенностью говорить о том, что он равнодушен к людям и даже внимательно за нами наблюдает. Время пришло! Споры о том, существует ли Всевышний, закончены! Из предмета веры этот факт превратился в неоспоримую истину. А ведь даже те, кто и прежде не сомневался, вряд ли могли допустить, что Бог, например, читает наши книги, что он обращает внимание на людские поверья и предрассудки, что он тоже впитывает культуру человечества...

Я не возьмусь судить, как именно семья владельцев печально известного заведения попала в поле его зрения. Быть может, это связано с религиозностью этих людей. И вот Бог увидел, что они открыли свой ресторан. Для меня совершенно очевидно, что откуда-то ему был известен наш ритуал, связанный с последним ужином приговоренного. Почему-то он воспринял его как руководство к действию. Подыграл человечеству, приняв культурные условности!

Кстати, мне тут подумалось... Быть может, люди, которые сейчас приезжают на место, где располагалось заведение, осознанно или подспудно движимы желанием оказаться именно там, куда наверняка был направлен взгляд Всевышнего. Наверняка те же причины толкают на поиски и меня. Впрочем, вопрос о том, тот ли это самый Бог-творец, что создал нас, остается открытым.